

MNEMON

**Investigations and Publications on the History
of the Ancient World
Established by Ed. Frolov**

**Issue 18
No. 2**

**St. Petersburg
2018**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Основан профессором Э. Д. Фролова**

**Выпуск 18
№ 2**

**Санкт-Петербург
2018**

Редакционный совет

Ю. А. Виноградов, А. Б. Егоров, К. Кён (Австралия),
Б. Мейсснер (Германия), С. Ю. Сапрыкин, Й. Уорthingтон (Австралия),
К. Хартер-Уибопуу (Германия), Ф. Л. Холт (США),
Ю. Б. Циркин, Н. С. Широкова

Редакционная коллегия

Э. Д. Фролов (главный редактор), О. Ю. Климов, О. В. Кулишова,
А. Д. Пантелеев (ответственный секретарь), М. М. Холод

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, В. О., Менделеевская л., д. 5,
Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра истории древней Греции и Рима.
Телефон +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

Advice Board

Alexey B. Egorov (Russia), Kaja Harter-Uibopuu (Germany),
Frank Lee Holt (USA), Clemens Koehn (Australia),
Burkhard Meißner (Germany), Sergey Yu. Saprykin (Russia),
Nadezhda S. Shirokova (Russia), Juliy B. Tsyarkin (Russia),
Ian Worthington (Australia), Yuriy A. Vinogradov (Russia)

Editorial Council

Eduard D. Frolov (editor-in-chief), Maxim M. Kholod, Oleg Yu. Klimov,
Oxana V. Kulishova, Alexey D. Pantelev (executive secretary)

Address

199034, Russia, St. Petersburg, Vasilievskiy Ostrov, Mendeleevskaya l., 5,
St. Petersburg State University, Department of Ancient Greek and Roman History
Tel.: +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

1. История Рима, Западной Европы и России

<i>И. Я. Маяк.</i> Новости и задачи этрускологии	9
<i>Ю. Б. Циркин.</i> Царь Порсенна	12
<i>А. В. Васильев.</i> Модели поведения римского полководца на поле боя в республиканскую эпоху: соотношение личного выбора и коллективных ожиданий	28
<i>А. Б. Егоров.</i> Война без победителя: феномен гражданской войны в римском сознании	41
<i>Aleksandr Koptev.</i> Cn. Pompeius' Praetorship in Sicily and His Triumph <i>ex Africa</i>	47
<i>И. П. Портнягина.</i> Луций Анней Сенека о скоротечности времени	69
<i>Burkhard Meißner.</i> Some Remarks on Roman Imperial Ballistae	82
<i>В. Н. Парфенов.</i> Падение Камулодуна и «пятая колонна»	93
<i>С. В. Телпень.</i> <i>Moderatio</i> Агриколы в изображении Тацита	106
<i>А. В. Махлаюк.</i> Греческий патриотизм в контексте <i>pax Romana</i> : полисные традиции и имперские реалии	116
<i>Danuta Okoń.</i> Several Remarks on the Cult and the Titulature of Empresses from the Severan Dynasty	142
<i>Mads Lindholmer.</i> Religion in Cassius Dio's Republic	150
<i>Н. С. Широкова.</i> Кельтская (галльская) Минерва Цезаря	163
<i>С. Е. Федоров.</i> Северная Шотландия и этнография Птолемея	181
<i>А. Д. Пантелеев.</i> «Мученичество Аполлония»: риторические стратегии христианина и судьбы	201
<i>В. Н. Барышников.</i> Международное признание в 1917 г. советского правительства и Финляндия	215
<i>Ю. В. Кривошеев.</i> «Крещение Руси» на театральных подмостках 1930-х годов	235

2. Историография

<i>И. Л. Тихонов.</i> Русское археологическое общество в системе научных связей конца XIX — начала XX вв.	245
<i>Krzysztof Królczyk.</i> Ludwig Ćwikliński (1853–1942) — Professor für klassische Philologie an der Universität Lemberg	263
<i>С. Г. Картюк.</i> Переписка Мозеса Финли с советскими дипломатами, декабрь 1942 — август 1943 г.	283
<i>А. Ж. Арутюнян.</i> Жизнь и творчество Сурена Тиграновича Еремяна (К 110-летию со дня рождения)	293

<i>М. В. Белкин.</i> Киноклуб «Древний Рим» как дополнительная форма изучения истории Древнего Рима	303
---	------------

3. Переводы

<i>С. М. Жестоканов.</i> История Гомеровской и Архаической Греции в Хронологических таблицах Евсевия Кесарийского	311
<i>С. И. Межеричкая.</i> Две «Смирнские речи» Элия Аристида	334

CONTENTS

1. History of Rome, Western Europe and Russia

<i>I. L. Mayak</i> . News and Tasks of Etruscology	9
<i>Yu. B. Tsyркин</i> . King Porsenna	12
<i>A. V. Vasil'ev</i> . Patterns of Behavior of Roman General on the Battlefield in the Republican Epoch: The Correlation of Personal Choice and Collective Expectations	28
<i>A. B. Egorov</i> . War without a Winner: The Phenomenon of Civil War in the Roman Mind	41
<i>A. V. Koptev</i> . Cn. Pompeius' Praetorship in Sicily and His Triumph <i>ex Africa</i>	47
<i>I. P. Portnyagina</i> . Lucius Anneus Seneca on Transience of Time	69
<i>Burkhard Meißner</i> . Some Remarks on Roman Imperial Ballistae	82
<i>V. N. Parfenov</i> . The Fall of Camulodunum and the "Fifth Column"	93
<i>S. V. Telepen'</i> . Agricola's <i>moderatio</i> in Tacitus	106
<i>A. V. Makhlayuk</i> . Greek Patriotism in the Context of <i>pax Romana</i> : The Polis Traditions and Imperial Realities	116
<i>Danuta Okoń</i> . Several Remarks on the Cult and the Titulature of Empresses from the Severan Dynasty	142
<i>Mads Lindholmer</i> . Religion in Cassius Dio's Republic	150
<i>N. S. Shirokova</i> . Celtic (Gaulish) Minerva of Caesar	163
<i>S. E. Fyodorov</i> . Northern Scotland and Ptolemy's Ethnography	181
<i>A. D. Pantaleev</i> . <i>The Martyrdom of Apollonius</i> : The Christian's and the Judge's Rhetorical Strategies	201
<i>V. N. Baryshnikov</i> . International recognition of the Soviet government in 1917 and Finland	215
<i>Yu. V. Krivosheev</i> . The "Christianization of Rus'" onstage in the 1930s	235

2. Historiography

<i>I. L. Tikhonov</i> . The Russian Archaeological Society in the System of Scientific Connections in the Late 19th — Early 20th Centuries.....	245
<i>Krzysztof Królczyk</i> . Ludwíg Ćwikliński (1853–1942) — Professor für klassische Philologie an der Universität Lemberg.....	263
<i>S. G. Karpyuk</i> . Moses Finley's Correspondence with Soviet Diplomats, December 1942 — August 1943	283
<i>H. Zh. Harutyunyan</i> . Life and Works of Suren Eremyan (To the 110th anniversary of his birthday)	293
<i>M. V. Belkin</i> . "Ancient Rome" Cinema Club as an Additional Resource in Studying History of Ancient Rome	303

3. Translations

<i>S. M. Zhestokanov</i> . The History of Homeric and Archaic Greece in the Chronological Tables of Eusebius of Caesarea	311
<i>S. I. Mezheritskaya</i> . Two «Smyrnaean Orations» by Aelius Aristides	334

«Мученичество Аполлония»: риторические стратегии христианина и судьи

Пантелеев, Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: a.panteleev@spbu.ru.

Статья посвящена изучению риторических стратегий христианина Аполлония и префекта претория Перенния в «Мученичестве Аполлония» (ВНГ 149; ВНО 79). Префект и мученик явно выходят за рамки ролевой модели «судья – обвиняемый». Немалую роль здесь играют факторы, о которых нам прямо ничего не сказано: социальный статус оппонентов, полученное ими образование, аудитория, перед которой мученик произнес свою вторую речь, и ее взаимоотношения с Аполлонием и Переннием (вполне вероятно, что многие слушатели были знакомы и с мучеником, и с перфектом). Обе стороны имели заранее подготовленный план действий, который они и проводили в жизнь.

Ключевые слова: Римская империя, раннее христианство, преследования, «Мученичество Аполлония», риторика.

The Martyrdom of Apollonius: The Christian's and the Judge's Rhetorical Strategies

Panteleev, Aleksey Dmitrievich — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Institute of History; 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: a.panteleev@spbu.ru.

The article deals with the rhetorical strategies of the Christian Apollonius and the prefectus pretorii Perennius in the «Martyrdom of Apollonius» (ВНГ 149; ВНО 79). The prefect and the martyr clearly go beyond the role model of «judge – accused». A significant role here was played by the factors about which we are not informed: the social status of the opponents, their education, the audience before which the martyr delivered his second speech, and the relationship between this audience and Apollonius and Perennius (it is likely that many listeners were acquainted with both martyr and prefect). The two parties had the beforehand prepared plans of action that they were fulfilling.

Keywords: Roman Empire, early Christianity, persecution, «Martyrdom of Apollonius», rhetoric.

В предыдущей статье мы подробно разобрали содержание «Мученичества Аполлония» (ВНГ 149; ВНО 79): ок. 185 г. в Риме произошел судебный процесс над христианином Аполлонием, в результате которого он был при-

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 18.2. 2018. С. 201–214.

© А. Д. Пантелеев

говорен к смерти¹. Мученик и его судья, префект претория Перенний, принадлежали к одному кругу римской знати; они не обязательно были друзьями, но безусловно знали друг друга — на это указывает обращение мученика к судье по имени (Mart. Apoll. 5) и общая, насколько это было возможно, благожелательность по отношению к обвиняемому. Христианин до последнего демонстрировал готовность пойти на компромисс, который смог бы удовлетворить и его, и судью, но не ценой отказа от своих убеждений. Перенний, со своей стороны, требовал точного соблюдения закона, не желая вступать в теологическую или философскую дискуссию. Он не был настроен против Аполлония, искренне пытаясь убедить мученика одуматься; позиция префекта — осторожная позиция строгого, но справедливого судьи, он тоже был готов к компромиссу, но на своих условиях. Невозможность достичь согласия привела к резкому выступлению Аполлония, с переходом едва ли не к оскорблениям, и, в итоге, к смертному приговору.

После анализа произошедшего на суде следует обратиться к описанию стратегий сторон. И Аполлоний, и Перенний имели возможность и время подготовиться к процессу и продумать, *что, как, зачем и для кого* они будут говорить. Заметно, что по ходу действия префект и мученик явно выходят за рамки ролевой модели «судья — обвиняемый», и немалую роль здесь играют факторы, о которых нам прямо ничего не сказано: социальный статус оппонентов, полученное ими образование, аудитория, перед которой мученик произнес вторую речь, и ее взаимоотношения с Аполлонием и Переннием (вполне вероятно, что многие слушатели были знакомы и с мучеником, и с префектом). Конечно, полностью сложить мозаику всех обстоятельств этого дела невозможно, но даже имеющаяся информация позволяет сделать несколько важных наблюдений и выводов.

Тигидий Перенний

Изначально Перенний не был настроен против Аполлония и он искренне пытался убедить мученика одуматься: «Раскайся, послушайся меня, Аполлос, и поклянись удачей господина нашего императора Коммода» (Mart. Apoll. 3)², и на втором заседании снова дал ему совет раскаяться (13)³. Он предоставил

¹ Panteleev 2017b, 207–232.

² Все цитаты из «Мученичества» даются в нашем переводе: Panteleev 2017c, 193–202.

³ Нужно отметить, что мы в большей степени склоняемся к оценке, данной Переннию Дион Кассием, чем Геродианом и «Историей Августов» (Panteleev 2017b, 213). Дион, сам выходец из римской аристократии, мог сам помнить префекта и, несомненно, его помнили его родители и старшие знакомые. В противном случае, если мы видим в префекте алчного временщика, ничто не мешает предположить, что дело против Аполлония было начато только из-за его имущества, и стремление Перенния во что

202

Аполлонию день для размышлений, превратившийся в три (10–11)⁴. Наконец, Перенний дал мученику возможность выступать с речами, причем далеко отклоняющимися от сущности дела, и это тоже свидетельствует о его расположении к Аполлонию, ведь в тех случаях, когда судьи были не расположены выслушивать рассуждения христиан, они их быстро обрывали, как это случилось, например, с Карпом в Пергаме, которому наместник провинции заявил: «Позволив, чтобы ты нес много вздора, я довел тебя до хулы на богов и императоров» (Mart. Carpī gr. 21), или с африканцем Сператом, попытавшимся порассуждать об истинном благочестии, но услышал от судьи: «Я не стану слушать дурное о наших священнодействиях» (Acta mart. Scil. 5). При отсутствии интереса к обвиняемому весь допрос мог свестись только к вопросу «Ты христианин?», как это произошло здесь же, в Риме, парой десятилетий раньше (Iust. Apol. II. 2, 10–12; 17). Перенний дал Аполлонию возможность совместно выработать компромисс, но, конечно, в тех пределах, что устраивают префекта.

Что же это за рамки? Перенний, как было показано, никак не реагировал на философские и теологические аргументы Аполлония: он не просил что-то уточнить, не задавал вопросов и не вступает в дискуссию; в этом смысле можно понять разве что его замечание о Божьем Слове (Mart. Apoll. 35). Префект подчеркивал, что его интересует лишь соблюдение закона, который запрещает христианство (13; 23; 45). Он категорически не хотел рисковать: во время правления Коммода префекту претория совершенно точно не стоило публично демонстрировать в присутствии высокопоставленных зрителей — тех самых мудрецов, сенаторов и членов совета — отступление от обычной судебной процедуры, а тем более, совершать что-то, что могло быть принято за проявление сочувствия по отношению к христианину, — он уже и так после первого слушания предоставил Аполлонию возможность передумать. Позиция префекта — осторожная позиция строгого, но справедливого судьи⁵. Перенний сознавал, как много внимательных и далеко не всегда благожела-

бы то ни стало осудить Аполлония может объяснить юридические нестыковки. Но эта гипотеза обладает фундаментальным недостатком: она не объясняет, почему префект претория не вынес приговор сразу, зачем устроил второе слушание перед большой аудиторией и даже вступил в диалог с мучеником, если для вынесения совершенно законного приговора хватило бы обычного вопроса *Christianus es?* Кроме того, в этом случае обе речи Аполлония были бы совершенно ни к чему.

⁴ Подобным образом проконсул Сатурнин предложил сцилийским мученикам отсрочку в 30 дней (Acta mart. Scil. 13). О возможных причинах задержки рассмотрения дела см.: Panteleev 2017b, 217.

⁵ Мы считаем возможным говорить здесь именно об осторожности префекта, а не его жестокости и строгости, как это делает Ф. Гроссо (Grosso 1964, 669).

тельных глаз следят за ним, — как мы уже сказали, врагов у префекта хватало⁶, — и главной его задачей было не дать противникам ни одной возможности для доноса императору.

Ситуация осложнялась тем, что кроме явных и скрытых врагов, желавших его смещения или смерти, при дворе Коммода существовала не очень большая, но достаточно влиятельная группа тех, кто сочувствовал христианам или даже был крещен. Из этого времени и чуть позже нам известны по именам императорские вольноотпущенники Проксен, Карпофор, Марк Аврелий Просен, Гиацинт, конкубина императора Марция и другие⁷. Некоторые современные исследователи связывают с деятельностью этой прохристианской «партии» казнь Аррия Антонина, преследовавшего христиан в Галатии⁸, и то, что некоторые наместники провинций в это время начали более лояльно относиться к христианам⁹. Таким образом, префект должен был пройти, по сути, по лезвию бритвы.

Осторожность Перенния видна и в том, что префект во время второго слушания уже не приглашает Аполлония принести жертвы императору или поклясться его удачей. Причины нежелания обращения к божественному Коммоду здесь достаточно очевидны: в случае такого ответа, какой дал мученик Дасий (Дуросторум, 304 г.) на требование принести жертвы цезарям — «Да плевал я на твоих императоров и на их славу и презираю ее» (Mart. Dasii. 10, 2), — судья рисковал сам оказаться в роли обвиняемого из-за того, что допустил такое на процессе. Подобное иногда происходило, например, Евлалия во время гонений Диоклетиана не в Эмерите не только отказалась совершить жертву, но и заявила, что и языческие боги, и сам Максимиан Геркулий для нее — *nihil*¹⁰. К этому можно добавить рассказ из апокрифических «Деяний Петра», где апостол разбивает статую императора (Acta Pet. 11). Конечно, такие оскорбления могли исходить не только от христиан: нам известно, что для недопущения хулы на судей и императора на обвиняемого сразу после оглашения приговора надевался особый намордник¹¹. Обратим внимание в связи с этим на поведение безымянного киника, вступившего за Перенния: со стороны последователя именно этой школы выступление в защиту римского префекта выглядит, прямо скажем, неожиданно, и здесь философ своим выступлением мог, как нам кажется, попытаться добиться нескольких целей:

⁶ Panteleev 2017b, 213.

⁷ Лебедев 1904, 366–398; Lampe 2003, 330–338; Strong 2014, 238–259; Flexsenhar 2016, 135–147.

⁸ Colin 1964, 39–48.

⁹ Lampe 2003, 334.

¹⁰ Panzram 2002, 288.

¹¹ Lieberman 1944, 44–48.

уязвить своих старых недругов-христиан, продемонстрировать лояльность римской власти и лично засвидетельствовать свое почтение перед префектом.

Наконец, нужно сказать, что эта позиция строгого судьи удачно сочеталась и с языческими убеждениями Перенния: он приобретает репутацию защитника старой римской религии, не делая, по сути, ничего для этого.

Тем не менее, как уже было сказано, один раз префект позволяет себе отступление от выбранной им модели поведения и в ответ на резкие слова мученика заявляет: «И мы знаем, что Слово Бога — родитель души и тела праведников, сообщившее и научившее, что угодно Богу» (Mart. Apoll. 35). Это место представляет немалые сложности для интерпретации. Рассмотрим возможные варианты. Во-первых, можно просто принять чтение армянской версии, которая вместо этой фразы дает: «Объясни мне сказанное тобою»¹². Однако, как замечает Г. Роскам, этот ответ не соответствует последовательному отказу Перенния от содержательной дискуссии с Аполлонием¹³. Во-вторых, часто эти слова связывали со стоическим учением о логосе¹⁴, но Й. Геффкен показал проблемы, связанные с таким пониманием этого пассажа¹⁵. В-третьих, Э. Клетте, поддерживавший взгляд об интерпретации в стоическом духе, предложил изъять из текста слова «сообщившее и научившее, что угодно Богу»¹⁶. Но это является и неоправданным вторжением в текст, и не делает стоическую интерпретацию более убедительной. Наконец, Й. Геффкен указал на несколько параллелей с работами Филона Александрийского и счел, что это указывает на создание «Мученичества Аполлония» в позднее время¹⁷. Но ни одна из этих параллелей не оказывается убедительной, основываясь на приблизительных соответствиях, поэтому, как считает Г. Роскам, следует отдавать предпочтение интерпретации, которая сможет наилучшим образом «оправдать языческую перспективу Перенния»¹⁸.

В чем же состоит эта интерпретация? Как полагает Г. Роскам, в словах Перенния нет ничего невероятного. Основные трудности вызваны точным значением словосочетания λόγος τοῦ θεοῦ. Чуть раньше Аполлоний охарактеризовал христиан как учеников Слова Божьего (Mart. Apoll. 5; ср. 32). Перенний также воспользовался этим словосочетанием, но придал ей абсолютно другой, языческий смысл. Для него здесь вообще нет никакой метафизиче-

¹² Отметим, что в армянском тексте с этого места Перенний начинает именоваться титулом «ишхан» — князь, сановник, представитель сената (Dunaev 1999, 403).

¹³ Roskam 2009, 35.

¹⁴ Klette 1897, 118; Patin 1899, 156; Callewaert 1905, 352; Saxer 1984, 1034.

¹⁵ Geffcken 1904, 267.

¹⁶ Klette 1897, 118.

¹⁷ Geffcken 1904, 268.

¹⁸ Roskam 2009, 35.

ской составляющей, этот λόγος не самостоятельная сущность, а «аргумент, довод, идея», а родительный падеж — просто *genetivus objecti*, который дополняется ὁ λογώσας καὶ διδάξας ὡς φίλον ἐστὶν τῷ θεῷ. Эту фразу не нужно удалять, как предложил Клетте, она имеет совершенно прозрачный смысл: λόγος τοῦ θεοῦ, божественная речь является определяющей причиной благочестивого поведения. Этот ответ не является свидетельством усвоения префектом христианских идей, а напротив, демонстрирует его языческие взгляды и показывает неготовность принять христианскую идею¹⁹.

Но кроме вероятного обвинения перед императором в ненадлежащем исполнении обязанностей, Перенний мог получить серьезные репутационные издержки в глазах своего окружения, тех самых мудрецов, сенаторов и советников, не говоря уже о «христианской партии». Ситуация для него складывалась крайне неблагоприятно, в перспективе возникло что-то вроде шахматного цугцванга: что бы он не сделал, он неизбежно проигрывал: одни и те же люди могли, с одной стороны, донести императору, а с другой, создать невозможную ситуацию вокруг него из-за того, что он ничего не сделал, чтобы спасти Аполлония²⁰. Префект это хорошо понимал, поэтому еще один важный элемент выбранной Переннием стратегии состоял в том, что давая мученику высказаться, он перекладывал ответственность за выбор на самого Аполлония. Предоставленная Аполлонию возможность давала префекту определенную индульгенцию в глазах своего окружения: для спасения христианина он сделал все, что было в его силах, и не его вина, что Аполлоний этим не воспользовался.

Аполлоний

После того, как мы рассмотрели стратегию Перенния в этом деле, обратимся к тому, *что, как, зачем и для кого* говорит Аполлоний. Очевидно, что во время процесса его стратегия менялась: если в первый день процесса он, по сути, предлагал префекту придти к какому-нибудь соглашению, которое устроило бы их обоих, то на слушании во второй день, поняв, что компромисс на его условиях рассматривать никто не собирается, Аполлоний дошел до прямых оскорблений, что даже дало возможность вмешаться в диалог посторонним. Г. Роскам замечает, что в целом мученик делает хорошую мину при плохой игре и пытается использовать все возможности, что у него есть²¹.

¹⁹ Roskam 2009, 36.

²⁰ Здесь даже не имеет значения, сочувствовали ли они христианству, или нет: важнее было чувство корпоративной солидарности, вообще крепкое среди римских сенаторов.

²¹ Roskam 2009, 36–37.

Итак, изначально Аполлоний был настроен конструктивно, и видно, что он считает возможным придти с Переннием к некоей договоренности, не ущемляющей ничьи интересы. Его ответы точны, обстоятельны и даются по существу, объясняя, почему он себя ведет таким образом, и что он может сделать, а что — нет. Но если Перенний сознательно принял роль судьы, строго следующего букве закона, то Аполлоний не собирался ограничиваться ролью обвиняемого, хотя формально в начале он и следовал ей. Он поставил себя на один уровень с судьей, регулярно напоминая префекту об их одинаковом образовании и о том, что они не так сильно отличаются друг от друга и в других отношениях²². Он отзывался об идолоклонстве как о ἀπαίδευσία (Mart. Apoll. 17), и говорил, что не сможет смириться с этим (16). Определенную параллель к этой демонстрации образованности и интеллекта дает «Апология» Апулея, где обвиненный в занятиях магией ритор постоянно подчеркивает эрудицию и παιδεία, свойственную ему и судье, и противопоставляет их тупости и необразованности обвинителя Сициния Эмилиана (Apol. Apol. 25; 35; 38; 41 et al.)²³. Апулей попытался, и безуспешно, создать вместе с судьей, наместником провинции Африка, единый фронт против своих противников — Сициния Эмилиана и его родственников, и в какой-то степени это попробовал сделать и Аполлоний. Его отсылки к παιδεία, четкое строение речи или отсутствие явно выраженных ссылок на источники слов Платона и Гераклита должны были создать ощущение некоей духовной общности и привести к желаемого компромиссу. Однако, то, что получилось у Апулея, не получилось у Аполлония.

Аполлоний четко отделяет в своих речах христианство от состава его преступления. В чем же тогда, с его точки зрения, его обвиняли? В том, что он — праведник и философ, а обвиняют его в этом невежественные люди. Так были обвинены нечестивцами иудейские пророки, афинскими сикофантами Сократ, и наконец, Христос (Mart. Apoll. 38 sqq.). Обращение к этим образам показывает и принадлежность Аполлония к христианской и античной традициям, и то, что он адресует свое выступление всем присутствовавшим — и язычникам, и христианам.

²² Они были равны во многих отношениях. Аполлоний считает возможным обращаться к префекту просто по имени (Mart. Apoll. 5), и он достаточно богат: у него есть рабы, ведь один из них донес на него, в армянской версии «Мученичества» мы встречаем слова о том, что христиане не горюют, когда у них что-то отбирают (Mart. Apoll. агг. 28), что намекает на конфискацию имущества, наконец, отсрочка, данная Переннием Аполлонию, могла одной из своих целей иметь устройство дел, если он не откажется от своих взглядов, как это было с римской матроной — ученицей Птолемея (Iust. Apol. II, 2, 8).

²³ Подробнее об этом см: Roskam 2004, 199, 207–209. Кроме того, см.: Noreña 2014, 35–51.

По ходу слушания дела Аполлоний все больше отходил от роли обвиняемого, и его ответы демонстрируют возрастающую уверенность в себе, независимость и сознание превосходства. Мученик сделал свой выбор, и он знал, как его оправдать. Аполлоний понемногу начинает усваивать элементы ролевой модели судьи: он оценивает языческие религиозные практики как суеверие и нечестие (Mart. Apoll. 16–22), рассуждает о соотношении законов, данных Богом и людьми (24), напоминает Переннию о предстоящей смерти (25–27). Это еще не полное «выворачивание» судебной процедуры наизнанку, что иногда происходило на антихристианских процессах: мученики превращали свой путь в Рим на казнь в аналог религиозной процессии для поклонения императору, как сделал Игнатий Антиохийский, указывали проконсулу на допускаемые им нарушения процессуальной процедуры (Mart. Polyc. 10–11) или обращали его требования проклясть безбожников против самих язычников (Mart. Polyc. 9, 2)²⁴. Такое поведение Аполлония не ускользнуло от внимания Перенния, и он мягко указал ему, кто олицетворяет здесь закон (νομικῶς ἀπαγγέλλεις. — Mart. Apoll. 31). Это напоминание вместе с признанием, что префект не понимает, о чем говорит Аполлоний, повлекло за собой резкий ответ мученика; с христианской точки зрения, в этот момент судья-язычник осуждается обвиняемым-христианином. Можно сказать, что Перенний и Аполлоний начинают выступать как два судьи, судящих друг друга, причем у каждого своя компетенция. Их последний обмен репликами перед вынесением приговора показателен: они оба сожалели о том, что не достигли своих целей, но если Перенний жалел, что не смог убедить мученика раскаяться и принести жертву, что сохранило бы ему жизнь, то Аполлоний надеялся не сохранить свою жизнь — об этом речи вообще не шло, в этом смысле можно понять лишь его замечание о том, что «С удовольствием живу, Перенний, но не боюсь смерти из-за желания жить» (30), — а едва ли не обратиться к префекту.

Если говорить о средствах проведения его стратегии, то прежде всего нужно отметить, что Аполлоний — отличный оратор²⁵. Его лаконичные реплики (Mart. Apoll. 6; 34; 38) уравниваются большими развернутыми периодами (37) и риторическими вопросами вроде «Отчего я так сочувствую тебе, настолько неспособному понять красоту благодати?» (32; целая серия таких вопросов содержится в 17–21). Он обладает большой эрудицией и при критике языческого идолопоклонства приводит много конкретных примеров (17; 18; 20; 21; 22), а сравнения, стилистически восходящие то ли к Платону, то ли к Павлу (глаза сердца — 32, глаза души — 44), украшают его ответы. Аполлоний умело пользуется противопоставлениями и параллелизмами (4; 16; 20–

²⁴ Panteleev 2014, 83–84.

²⁵ Lampe 2003, 325–326; Roskam 2009, 38.

22), он платит оппонентам той же монетой: «С удовольствием умрешь?» — «С удовольствием живу» (29–30), «Я думал, Аполлос...» — «Я надеялся, проконсул...» (43–44), но особенно хорош его ответ кинику: «Аполлос, ругай себя самого. Ведь ты изрядно заблуждаешься, хотя думаешь, что говоришь темно» — «Меня научили молиться, а не ругаться. Твое же лицемерие, если ты наговоришь много пустого, свидетельствует о слепоте твоего сердца. Ведь неразумными истина считается руганью» (33–34). Когда Евсевий называет его человеком, который был известен среди тогдашних христиан из-за его образования и философии (ἐπί παιδείᾳ καὶ φιλοσοφίᾳ βεβηρωμένον. — Eus. HE. V, 21, 2), то он, несомненно прав.

Как же обстоит дело с его философскими познаниями? Как мы уже видели, Аполлоний знаком с Гераклитом, Платоном, стоиками, а П. Лямпе прибавляет к этому списку и Аристотеля²⁶. Но мученик, в отличие от Апулея, не щеголяет ссылками на имена философов, единственный, кого он называет по имени, — Сократ. Аполлоний воспользовался своими знаниями не для того, чтобы произвести впечатление на публику или на Перенния, а для того, чтобы сформулировать основные положения своей веры так, чтобы их изложение было полностью приемлемо для образованного язычника, знакомого со стоицизмом и средним платонизмом. Христиане оказываются учениками Божественного Слова-Логоса (Mart. Apoll. 5), знакомыми с философскими терминами и способными их использовать (ἀ τῇ ἕξει συνέχεται. — 16; λύπας ἐκκόπτειν. — 37 et al.), а их учение созвучно тому, о чем говорили Сократ и Платон. Аполлоний сознательно концентрируется на вопросах, которые не вызовут никаких проблем у языческой аудитории, например, на монотеизме или на этических аспектах. Но нельзя сказать, и что мученик сознательно обходит все острые углы. Его радикальность можно почувствовать в отказе клясться удачей императора Коммода, в критике идолопоклонства, где он позволяет несколько сильных замечаний, и наконец, в резком обращении к префекту. Но все же он ничего не говорит о том, что могло вызвать непонимание или негодование у язычников. Аполлоний часто упоминает о бессмертии души и загробном суде (25; 30; 37; 42), но ничего не говорит о воскресении во плоти — в этом смысле при некотором усилии можно понять разве что слова μετὰ τὴν ἀνάστασιν (37). Когда он говорит о Христе, то только парой слов указывает на воплощение, смерть на кресте или искушение грехов (36) — сюжеты, всегда смущавшие язычников. В большей степени в фокусе оказывается Христос — учитель добродетели и то, чему он научил христиан, и Христос — несправедливо осужденный мудрец, «жертва зависти невежественных людей», как многие праведники до него (38)²⁷. В его речи нет

²⁶ Lampe 2003, 324.

²⁷ Roskam 2009, 38–39.

ни следа антииудейской полемики, которая представляла большую важность для христиан, но совершенно не интересовала язычников²⁸. Он лишь мимоходом ссылается на пророков, только обозначив эту тему, в отличие от Юстина, который отводит большое место аргументу от пророков (*Iust. Apol. I. 30–53*)²⁹. Аполлоний не ссылается на Вторую и Четвертую Маккавейские Книги, вдохновившие многих мучеников³⁰, так как эти ссылки для его слушателей тоже окажутся пустым звуком. В его ответах присутствуют цитаты и аллюзии на ветхозаветные и новозаветные тексты, но он, как и в случае ссылок на языческих философов, не подчеркивает их происхождение. Мы полагаем, что эти цитаты и аллюзии — свидетельство присутствия в зале суда других христиан, а не просто проявление желания мученика обратиться к библейской традиции. Аполлоний показывает, что язычники могут найти в христианской жизни воплощение постоянства и верности слову (*Mart. Apoll. 6*), праведности и добродетели (4; 26), наконец, христиане, подобно философам, каждый день готовятся к смерти (26)³¹. В целом, Аполлоний приписывает христианам те черты идеальной философской жизни, которые можно без труда найти у верующих, и акцентирует те аспекты христианства, которые легко могут быть согласованы с античной философией.

Суммируя все сказанное — попытки поиска компромисса с префектом, стремление показать христианство чем-то вроде философии, нежелание задевать религиозные чувства присутствующих, отказ от обсуждения императорского культа — очевидно, что целью Аполлония было оправдание, причем оправдание как христианина. Г. Роскам подчеркивает важность такой позиции мученика, так как в это время продолжается эпидемия добровольного мученичества среди части церковных христиан и сторонников других течений (еретиков)³². Как уже говорилось, Аполлоний во второй день слушания дела не спешит объявлять себя христианином, напротив, он изо всех

²⁸ В этом отношении Аполлоний отличается от Пиония, который начал речь обращением к язычникам, но вскоре перешел к критике иудеев (*Mart. Pionii. 4, 5 sqq.*).

²⁹ Подробный рассказ о пророках лишь затянул бы речь мученика, ничего не дав для достижения его целей, так как язычники были плохо знакомы с текстом Ветхого Завета (Tcherikover 1956, 177). Подробный разбор их знаний о Библии см. в: Cook 2004, 1–54).

³⁰ Hilhorst 2000, 107–121; Joslyn-Siemiatkoski 2009; Braginskaya, Koval', Shmaina-Velikanova 2014, 414–426.

³¹ Подробнее о мотиве «искусства умирать» в раннехристианской литературе см.: Pantaleev 2017a, 125–140.

³² Roskam 2009, 39–40. О феномене добровольного мученичества см. работы последних лет: De Ste. Croix 2006, 153–200; Buck 2012, 125–135; Moss 2012, 531–551; Nicholson 2013, 159–164. О добровольном мученичестве в неортодоксальном христианстве см.: Tabbernee 1985, 33–44; Tite 2015, 27–54.

сил стремится избежать осуждения. Это — уникальная черта «Мученичества Аполлония». Конечно, и другие мученики, как, например, Поликарп (Mart. Polyc. 5, 1; 6, 1–2), Пионий (Mart. Pionii. 2, 1–4), Киприан (Acta Cypri. 1, 4; 2, 1) и другие, тоже сами не спешили на суд, но между ними и Аполлоном есть большая разница: когда их арестовывают, то они радуются, спешат получить нетленные венцы и призывают судью делать то, что он должен (Mart. Polyc. 10–11; Mart. Pionii. 8, 1; Mart. Dasii. 9, 2 et al.), а в рассказе об Аполлонии нет ни намека на это. Конечно, он поблагодарил Перенния за приговор, но в его простых словах нет ни намека на триумфальное ликование. Аполлоний защищался как джентльмен и с таким же достоинством ушел из жизни. Можно сказать, что все закончилось неудачно для обеих сторон, а можно, что каждый получил, что хотел — Перенний спокойствие и сохранение своего положения, Аполлоний — мученический венец.

То, как защищался Аполлоний и то, с каким достоинством он принял смерть, должно было показать участникам и зрителям процесса и читателям «Мученичества», что не ко всем христианам применимы слова Марка Аврелия: «И чтобы готовность эта (уйти из жизни. — *А. П.*) шла от собственного суждения, а не из голой воинственности, как у христиан, — нет, обдуманно, строго, убедительно и для других, без театральности (*ἀτραυρόδως*)» (M. Aur. Med. XI, 3)³³. Об Аполлонии такого не скажешь, и он не происходил из «шерстобитчиков, сапожников, валяльщиков, самых грубых мужланов», о которых почти в то же время говорил Цельс (Orig. C. Cels. III, 55; пер. А. Б. Рановича), или «из самой грязи народной» (Min. Fel. Oct. 8, 4; пер. П. Ф. Преображенского). Если энтузиазм других мучеников мог произвести впечатление на топу или на мятущиеся души вроде Юстина³⁴, то поведение Аполлония могло повлиять на восприятие христианства римскими интеллектуалами из высших классов. Для этих людей разумная развернутая аргументация, опирающаяся на предшествующую философскую позицию, значила больше, чем готовность натравить на самого себя льва или с улыбкой подняться на костер, и «многие из них, вероятно, уйдут, покачав головой или пожав плечами, тогда как другие за фасадом саркастического и презрительного смеха будут скрывать свои сомнения»³⁵. Возможно, что кто-то из них будет постоянно возвращаться к тому, что произошло, и для них кровь Аполлония станет тем самым «семенем Церкви», о котором говорил Тертуллиан (Tert. Apol. 50, 13).

³³ Ср. оценку Плиния Младшего: «Я не сомневался, что в чем бы они ни признались, но их следовало наказать за непреклонную закоснелость и упрямство (*pertinaciam certe et inflexibilem obstinationem*)» (Plin. Min. Epist. X. 96. 3).

³⁴ Ivanovici 2013, 231–244; Pantelev 2015, 33–43.

³⁵ Roskam 2009, 40.

«Мученичество Аполлония» могло иметь какое-то значение для знакомства с христианством языческих интеллектуалов, у него могла быть и апологетическая функция, но вряд ли многие язычники всерьез читали христианские агиографические тексты. Основной аудиторией такой литературы были сами христиане, что подтверждает добавленное составителем заключение с призывом к «братьям» укрепить души в вере и указанием на день памяти мученика — 21 апреля. Этот текст давал образованным верующим хороший образец для подражания в том случае, если они не стремились во что бы то ни стало получить мученический венец³⁶. Они узнавали, какие компромиссы можно предложить римским магистратам, не отвращаясь от Бога, и при помощи каких аргументов можно попытаться убедить их изменить отношение к христианам³⁷. Но и для менее образованных христиан «Мученичество» могло принести пользу: пусть Аполлоний, в отличие от Пиония, и не дал никаких рекомендаций по полемике для «простецов» (Mart. Pionii. 14, 15–16), сам пример римского знатного и богатого интеллектуала, погибшего за христианство, убеждал их в правильности их выбора и ценности веры во Христа.

Литература / References

- Braginskaya, N. V. Koval', A. N. Shmaina-Velikanova A. I. (transl. eds). 2014: *The Books of Maccabees*. Moscow.
- Брагинская, Н. В.; Коваль, А. Н.; Шмаина-Великанова, А. И. (перевод с древнегреч. введение и коммент). *Книги Маккавеев (Четыре Книги Маккавеев)*. М.
- Buck, P. L. 2012: Voluntary Martyrdom Revisited. *Journal of Theological Studies* 63, 125–135.
- Callewaert, C. 1905: Questions de droit concernant le procès du martyr Apollonius. *Revue des questions historiques* 33, 353–375.
- Cook, J. G. 2004: *The Interpretation of the Old Testament in Greco-Roman Paganism*. Tübingen.
- Countryman, L. W. 1980: *The Rich Christian in the Church of the Early Empire: Contradictions and Accommodations*. New York.
- De Ste. Croix, G. E. M. 2006: *Christian Persecution, Martyrdom, and Orthodoxy*. Oxford.
- Dunaev, A. G. (ed.). 1999: *Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of ancient Christian apologists]*. St.-Petersburg.
- Дунаев, А. Г. (ред.). *Сочинения древних христианских апологетов*. СПб.
- Flexsenhar, M. 2016: Marcia, Commodus' 'Christian' Concubine and CIL X 5918. *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik* 31, 135–147.

³⁶ Число таких верующих росло, об этом явно свидетельствует «Педагог» Климента Александрийского и другие тексты церковных авторов рубежа II–III вв. (Countryman 1980; Panteleev 2009, 401–416).

³⁷ Естественно, это было возможно до начала общегосударственных гонений при Деции.

- Geffcken J. 1904: Die Acta Apollonii. *Nachrichten der Göttinger Akademie. Philol.-histor. Klasse* 3, 262–284.
- Green, B. 2010: *Christianity in Ancient Rome: The First Three Centuries*. New York.
- Grosso, F. 1964: *La lotta politica al tempo di Commodo*. Torino.
- Hilhorst, A. 2000: Fourth Maccabees in Christian Martyrdom Texts. In: C. Kroon, D. den Hengst (eds). *Ultima Aetas. Time, Tense and Transience in the Ancient World. Studies in Honour of Jan den Boeft*. Amsterdam, 107–121.
- Ivanovici, V. 2013: Competing Paradoxes: Martyrs and the Spread of Christianity Revisited. *Studia Patristica* 62, 231–244.
- Joslyn-Siemiatkoski, D. 2009: *Christian Memories of the Maccabean Martyrs*. New York.
- Klette, E. T. 1897: *Der Process und die Acta S. Apollonii*. Leipzig.
- Lampe, P. 2003: *From Paul to Valentinus. Christians at Rome in the First Two Centuries*. Minneapolis.
- Lebedev, A. P. 1904: *Epokha goneny na khristian i utverzhdnie khristianstva v greko-rimskom mire pri Konstantine Velikom* [The era of persecution of Christians and the assertion of Christianity in the Greco-Roman world under Constantine the Great]. St-Petersburg.
- Лебедев, А. П. *Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом*. СПб.
- Lieberman, S. 1944: Roman Legal Institutions in Early Rabbinics and in the Acta Martyrum. *Jewish Quarterly Review* 35, 1–57.
- Moss, C. R. 2012: The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern. *Church History* 81, 531–551.
- Nicholson, O. 2013: What Makes a Voluntary Martyr? *Studia Patristica* 65, 159–164.
- Noreña, C. 2014: Authority and Subjectivity in the Apology. In: B. Lee, E. Finkelpearl, L. Graverini (eds). *Apuleius and Africa*. New York; London, 35–51.
- Pantelev, A. D. 2009: Schole of the Christian in the Paidagogos of Clement of Alexandria. *Mnemon* 8, 401–416.
- Пантелеев, А. Д. Досуг христианина (по «Педагогу» Климента Александрийского). *Мнемон* 8, 401–416.
- Pantelev, A. D. 2014: Christian Martyrdom in the Context of Roman Spectacles. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture] 2, 75–89.
- Пантелеев, А. Д. Христианское мученичество в контексте римских зрелищ. *Проблемы истории, филологии, культуры* 2, 75–89.
- Pantelev, A. D. 2015: Martyrdom and Spread of Christianity in the Roman Empire. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya* [The Herald of the St.-Petersburg University. Ser. 2: History] 3, 33–43.
- Пантелеев, А. Д. Мученичество и распространение христианства в Римской империи. *Вестник СПбГУ. Серия 2: история*. 2015. № 3. С. 33–43.
- Pantelev, A. D. 2017a: “For the training and preparation of ones to come”: early hagiographic texts as instructions for Christians. *Dialog so vremenem* [Dialogue with the time] 58, 125–140.
- Пантелеев, А. Д. «Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается»: ранние агиографические тексты как наставления для христиан. *Диалог со временем* 58, 125–140.

- Panteleev, A. D. 2017b: The Martyrdom of Apollonius: The Circumstances of the Case and the Trial. *Mnemon* 17.2, 207–232.
Пантелеев, А. Д. «Мученичество Аполлония»: обстоятельства дела и ход процесса. *Мнемон* 17(2), 207–232.
- Panteleev, A. D. (ed.) 2017c. *Rannie hristianskie muchenichestva. Perevody, kommentarii issledovaniia (Early Christian Martyr Acts)*. St.-Petersburg.
- Пантелеев, А. Д. *Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования*. СПб.
- Panzram, S. 2002: *Stadtбилde und Elite: Tarraco, Corduba und Augusta Emerita zwischen Republik und Spätantike*. Stuttgart.
- Patin, A. 1899: Apollonius Martyr, der Skoteinologe. Ein Beitrag zu Heraklit und Eumerus. *Archiv für Geschichte der Philosophie* 12.2, 147–158.
- Roskam, G. 2004: Virtue in Apuleius. In: G. Partoens, G. Roskam, T. Van Houdt (eds). *Virtutis imago: Studies on the Conceptualisation and Transformation of an Ancient Ideal*. Louvain; Namur; Paris, 187–219.
- Roskam, G. 2009: A Christian Intellectual at Trial. The case of Apollonius of Rome. *Jahrbuch für Antike und Christentum* 52, 22–43.
- Saxer, V. 1984: L'apologie au sénat du martyr romain Apollonius. *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité* 96, 1017–1038.
- Strong, A. K. 2014: A Christian Concubine in Commodus' Court? *Eugesta* 4, 238–259.
- Tabbernee, W. 1985: Early Montanism and Voluntary Martyrdom. *Colloquium* 17, 33–44.
- Tcherikover, V. 1956: Jewish Apologetic Literature Reconsidered. *Eos* 48, 169–193.
- Tite, P. L. 2015: Voluntary Martyrdom and Gnosticism. *Journal of Early Christian Studies* 23, 27–54.

